

К вопросу о международной правосубъектности индивидов

Саяпин С.В.*

Человек не должен жаловаться на времена;
из этого ничего не выходит. Время дурное:
ну что ж, на то и человек, чтобы улучшить его!
Т. Карлейль (1795 – 1881), английский мыслитель

Первоначальный вариант этой статьи был написан шесть лет назад, но тогда автор не посчитал ее готовой к публикации. Уж слишком «теоретизированной» она представлялась. При том, что в бывшем Советском Союзе на вопрос о практической реализации международной правосубъектности индивидов в течение продолжительного времени было наложено «табу», он не мог представлять собой нечто большее, нежели теорию, юридический софизм, – причем *a priori* обреченный на провал. Профессор В.А. Карташкин отмечал, что «советская доктрина международного права традиционно отстаивала *устаревшие* (курсив мой. – С.С.) взгляды, которые не признавали индивида субъектом международного права... Такая позиция диктовалась принципами тоталитарного режима, выступавшего против каких-либо радикальных мер на межгосударственном уровне, направленных на международную защиту прав человека. Подобные меры обычно квалифицировались как вмешательство во внутренние дела государств»¹.

Традиционная дуалистическая (как западная, так и отечественная) доктрина действительно вообще отрицала возможность того, что индивид может быть субъектом международного права. Сторонник этой доктрины юрист Трипель сравнивал международное право с главно-

* Саяпин Сергей – в 1999 г. окончил факультет международного права Университета мировой экономики и дипломатии (Ташкент, Узбекистан). В 2001 г. он получил степень магистра международного права прав человека, окончив юридический факультет Эссекского университета (Колчестер, Великобритания). В настоящее время он является ответственным за образовательные программы Регионального Представительства Международного Комитета Красного Креста (МККК) в Центральной Азии. Настоящая статья отражает исключительно точку зрения автора, которая может не совпадать с позицией МККК.

¹ *Общая теория прав человека* / Под ред. д.ю.н. Е.А. Лукашевой. М., 1996. С. 493.

командующим на поле боя, который может отдавать приказы своим генералам, но не простым солдатам. С этих теоретических позиций индивиду отказывалось в *locus standi* в международных органах. Когда обсуждался проект Статута Постоянной палаты международного правосудия, было предложено хотя бы частично признать за отдельными индивидами *locus standi* в отношении этого судебного органа. Риччи-Бусатти, представитель Италии в комитете юристов, подверг критике это предложение, заявив, что «индивиды» не являются субъектами международного права». На деле же подлинной, причем не только теоретической, причиной отказа принять данное предложение являлось то, что государства не были склонны допустить, что им придется выступать в качестве ответчиков по искам своих собственных или иностранных граждан перед каким-либо международным судебным органом.

Однако в последние годы имел место ряд событий, которые лишь подтвердили актуальность вопроса о положении личности в международном праве: слушания по делу Аугусто Пиночета (осень 1998 – весна 1999 г.), вооруженный конфликт в Косово (весна 1999 г.), террористические акты в США 11 сентября 2001 г., последовавшие за ними вооруженные конфликты в Афганистане (2001-2002 гг.) и Ираке (начался весной 2003 г.). Так, в отношении конфликта в Косово высказывались точки зрения, что «гуманитарная интервенция» без положительной резолюции Совета Безопасности ООН представляла собой вопиющее нарушение международного права (коллизия принципа всеобщего уважения прав человека и принципа неприменения силы или угрозы силой)². Другие комментаторы – например, парламент Великобритании – пришли к несколько иному выводу: «военная операция НАТО, хотя ее правомерность и не является бесспорной с точки зрения современного международного права, была оправданной по соображениям морали»³. Еще одна группа исследователей задавала вполне обоснованный вопрос о том, насколько операция, осуществляемая во имя гуманности и в целях остановить «этническую чистку», но при этом вызывающая многочисленные потери среди гражданского населения и эскалацию конфликта, все еще может называться «гуманитарной». В свою очередь, в связи с привлечением к ответственности бывшего президента Сербии Слободана Милошевича⁴ и учреж-

² Byers M. "Kosovo: An Illegal Intervention" in *Counsel*, August 1999, pp. 16-19.

³ Committee on Foreign Affairs, Fourth Report, Session 1999-2000, 23 May 2000.

дением Специального трибунала по Ираку в 2004 г.⁵ встал вопрос о современном содержании институтов иммунитета высших должностных лиц государства и ответственности в международном праве.

На современном этапе международное право в целом переживает кризис. Его материальный источник – международные отношения – представляет собой, по словам Генерального Секретаря ООН Кофи Аннана, «обстановку тревожной напряженности»: «[...] глобализация приобретает всемирные масштабы, и одновременно происходит активизация процессов распада и утверждения национальных особенностей; расширяются зоны мира, и одновременно происходят все более мощные вспышки ужасающего насилия; накапливаются неслыханные богатства, и в то же время на обширных пространствах продолжает царить нищета; воля народов и их неотъемлемые права одновременно превносятся и попираются; наука и техника способствуют повышению уровня жизни человека, а побочные результаты их развития в то же время создают угрозу системам жизнеобеспечения на нашей планете»⁶. Сможет ли международное право выдержать это нелегкое испытание? Оправдает ли международное право надежды, возлагаемые на него как на средство обеспечения сотрудничества государств, способное предотвратить злоупотребление растущим могуществом человека?⁷ Обладает ли международное право сейчас, в начале двадцать первого века, тем гуманистическим характером, о котором вдохновенно писал проф. Р.А. Тузмухамедов на исходе века двадцатого?⁸

Современное международное право, стержнем которого являются принципы мирного сосуществования государств, пронизано идеей гуманизма. Гуманистический характер современного международного права не является отвлеченным или декларативным. Он находит выражение во всех правомерных актах, содержащих международно-правовые нормы, и опирается на вполне реальную основу. Именно после-

⁴См. критический комментарий по этому вопросу: “Memorandum on the Indictment of the President of the Federal Republic of Yugoslavia, the President of the Republic of Serbia and Other Officials of Yugoslavia by the International War Crimes Tribunal for the Former Yugoslavia” (1999), in H. Kuchler, *Global Justice or Global Revenge? International Criminal Justice at the Crossroads* (Springer-Verlag Wien / New York, 2003), pp. 353-356.

⁵Устав Специального трибунала доступен в Интернете (*автор не указал адрес ссылки – прим. Редакции*).

⁶Аннан К. *Обновление на переходном этапе* (ООН, 1998). С. 11.

⁷См.: Лукашук И.И. *Международное право. Общая часть*. М., 1997. С. 5.

⁸См.: Тузмухамедов Р.А. Всеобщая декларация прав народов / В сб.: *Международное право в современном мире*. М., 1991.

довательная реализация общепризнанных принципов международного права в состоянии обеспечить условия, при которых защита прав личности станет возможной повсеместно.

Целью данной работы является анализ основных концепций, касающихся правосубъектности индивида в международном праве, сопоставление их сильных и слабых сторон с учетом современной международной обстановки и научных тенденций, прослеживаемых в трудах ведущих теоретиков международного права и, в конечном счете, формирование собственной позиции в отношении исследуемой проблемы. Изначально эта работа планировалась как попытка опровергнуть гипотетическую правосубъектность физических лиц в международном праве в собственных глазах, поскольку она во многом не стыкуется с общетеоретическими положениями, изложенными в современной литературе. Но, как указал великий немецкий поэт, ученый, философ И.В. Гёте (1749-1832), «человек должен верить, что непонятное можно понять, – иначе он не стал бы размышлять о нем». При том, что позиция автора, изложенная в данной статье, не может претендовать на абсолютную бесспорность, точка зрения, отстаивающая исключительную международную правосубъектность государств и международных организаций, также представляется консервативной и требующей существенной ревизии в пользу теоретического обоснования международной правосубъектности физических лиц. Исследуемый вопрос потому и представляет особый интерес, что является спорным.

Общие положения о субъектах права. Рассмотрение гипотезы о возможности обладания индивидами международно-правовой субъектности неизбежно затрагивает вопрос о понятии субъекта права вообще и субъекта международного права в частности. Любая система либо отрасль права регулирует поведение определенного круга лиц (в собирательном смысле) – субъектов данной системы или отрасли. Они занимают центральное положение в праве, главная задача которого – служить их интересам. Право призвано «обслуживать» их и регулировать их взаимоотношения. Природа международного права также определяется характером его субъектов и их взаимодействия. В свою очередь, круг субъектов и их правовой статус обуславливаются характером международных отношений и связей, уровнем развития международного права⁹.

⁹ Лукашук И.И. *Международное право. Общая часть*. М., 1997. С. 10.

Субъект права определяется в общей теории государства и права как носитель прав и обязанностей. Быть субъектом права, то есть носителем прав и обязанностей, – значит подчиняться нормам соответствующей отрасли или системы права. Иными словами, субъект права – лицо, поведение которого *непосредственно* регулируется нормами данной отрасли (системы) права, поскольку регулирование поведения в правовом смысле выражается в предоставлении лицу тех или иных прав и наделении его теми или иными обязанностями.

Профессор И.И. Лукашук определяет субъект международного права как «самостоятельное образование, которое благодаря своим возможностям и юридическим свойствам способно обладать правами и обязанностями по международному праву, участвовать в создании и реализации его норм»¹⁰. Представляется, что И.И. Лукашук считает субъектами международного права лишь общепризнанных участников межгосударственных отношений – государства и международные (межправительственные) организации, а физические лица в круг субъектов международного права не входят вообще. В качестве основной особенности субъектов международного права он выделяет их *правотворческую и правоприменительную активность* – непосредственное и исключительное участие в создании и реализации международно-правовых норм. Близка к его мнению и позиция известного английского юриста-международника Яна Броунли: «Субъект международного права – образование, способное иметь права и обязанности, а также могущее защищать их путем заявления международных претензий»¹¹. Кажется бы, можно сделать вывод о том, что Броунли этим суждением категорически отрицает международную правосубъектность индивидов, но в другом месте он допускает ограниченную возможность участия физических лиц в международном общении¹².

Правосубъектность и участие в международных правовых отношениях. Попытаемся ответить на вопрос о том, способны ли физические лица участвовать в международных правоотношениях вообще. Правосубъектность – предпосылка, условие обладания правами и обя-

¹⁰ Там же.

¹¹ *Reparations for Injuries case*, ICJ Reports (1949), 179.

¹² В своем труде «Принципы международного публичного права» Я. Броунли пишет: «Не существует всеобщего правила, согласно которому индивид не может быть субъектом международного права; в особых случаях он может обладать правосубъектностью на международном уровне». См.: Brownlie I. *Principles of Public International Law*, 5th ed. (Oxford, 1998), p. 66.

занностями, а не наличие у лица каких-либо прав и обязанностей. Казалось бы, существование такого «мистического» свойства – предпосылки прав и обязанностей – просто не нужно, так как правосубъектность без прав и обязанностей, «в чистом виде», не встречается. Если лицо имеет права и обязанности, оно является субъектом соответствующей отрасли (системы) права, если оно их не имеет, – не является. На самом деле правосубъектность в указанном смысле, как и всякая абстрактная категория, порождена определенными конкретными причинами и имеет полное право на существование.

Во-первых, необходимость такой трактовки понятия правосубъектности становится очевидной, когда затрагивается вопрос о том, каков круг лиц, которые в принципе *могут* быть субъектами данной отрасли (системы) права. Например, избирательные комиссии могут быть субъектами государственного (конституционного) права, но никак не уголовного, поскольку в последнем действует принцип *индивидуальной* уголовной ответственности за совершение преступлений, а избирательная комиссия – *коллективный* орган, в компетенцию которого, естественно, не входит уголовное (судо)производство.

Во-вторых, правосубъектность имеет определенное значение как качество, не зависящее от количества прав и обязанностей, которыми обладает лицо. Отсюда следует, что субъектом права теоретически может считаться лицо, имеющее хотя бы одно право и/или несущее хотя бы одну обязанность.

Количество прав и/или обязанностей лица не имеет значения для его правосубъектности, поскольку в любом случае в той или иной степени осуществляется регулирование поведения лица. Любое право, как и любая обязанность, – юридические рамки поведения лица. Можно быть субъектом права в очень узких границах (в пределах какой-либо одной обязанности) и в очень широких (так называемая универсальная правосубъектность). Правосубъектность характеризуют не размеры этих юридически значимых рамок поведения, а сам факт их *безусловного наличия*.

Между правосубъектностью и *правоспособностью* иногда ставят знак равенства. Правоспособность обычно определяют как способность иметь субъективные права и нести субъективные обязанности. Однако представляется, что правоспособность есть конкретное проявление правосубъектности. Если правосубъектность не зависит от количества прав и обязанностей субъекта, а определяется самим фактом их нали-

чия и даже *возможностью* их наличия (кстати, в разное время один и тот же субъект может обладать разными правами и нести разные обязанности), то правоспособность непосредственно связана с их *количеством*. Правоспособность – правовые рамки возможного поведения субъекта, а эти рамки могут определяться только конкретными правами и обязанностями, которыми наделен данный субъект в данный момент¹³. Отсюда следует, что субъекты права становятся участниками соответствующих правоотношений (в том числе международных) лишь при наличии определенного объема правоспособности, который, в свою очередь, определяет степень их участия в правоотношениях.

На этот счет существуют различные точки зрения. Так, например, в своей совместной работе Д.И. Фельдман и Г.И. Курдюков указывали, что «с точки зрения общей теории права невозможно такое положение, чтобы лицо было субъектом правоотношения, не будучи субъектом права. Каждое правоотношение – это конкретная реализация тех прав и обязанностей, которые принадлежат субъекту права. Поэтому, чтобы стать субъектом правоотношения, надо быть прежде всего субъектом права»¹⁴. Аналогичные точки зрения высказывались и другими авторами. «Субъекты международного права – это участники международных правоотношений», – писал И.И. Лукашук¹⁵. «Как бы ни строить определение субъекта международного права, в нем должны получить отражение органически связанные между собой два элемента: а) способность участвовать в международном правоотношении и б) участие в таковом», – отмечал Р.Л. Бобров¹⁶. По мнению С.Ф. Кечекьяна, под субъектом права следует понимать лицо, участвующее или могущее участвовать в правоотношении¹⁷. С.В. Черниченко указывал, что «можно быть субъектом международного права и не быть субъектом, то есть участником, конкретного международного правоотношения, но нельзя быть субъектом международного правоотношения и не быть субъектом международного права»¹⁸.

¹³ Черниченко С.В. *Личность и международное право*. М., 1974. С. 16.

¹⁴ Фельдман Д.И., Курдюков Г.И. *Основные тенденции развития международной правосушественности*. Казань, 1974. С. 26. Цит. по: *Международное право в современном мире*. М., 1991. С. 163.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Бобров Р.Л. *Основные проблемы теории международного права* М., 1968. С. 68.

¹⁷ Кечекьян С.Ф. *Правоотношения в социалистическом обществе* М., 1958. С. 84.

¹⁸ Черниченко С.В. *Допуск индивидов в международные суды и международная правосубъектность*. М., 1969. С. 271.

В то же время ряд авторов считают возможным участие в международных правоотношениях, не будучи субъектом международного права. Так, В.М. Шуршалов писал, что «субъект правоотношения может быть и не субъектом права»¹⁹. Сходную позицию занимает В.В. Кравченко: «Субъект международного правоотношения не обязательно должен быть субъектом международного права»²⁰.

Как видно из этого краткого анализа, вопросы правосубъектности и участия в (международных) правоотношениях имеют во многом доктринальный характер. Исходя из этого, применительно к индивидам как к участникам международных правоотношений *de facto* и гипотетическим (потенциальным) субъектам международного права они будут подробно рассмотрены ниже.

Советская и постсоветская доктрины о международной правосубъектности индивидов. Долгие годы советская доктрина практически единодушно занимала негативную позицию в плане признания международной правосубъектности физических лиц, однако со временем и в ней появились такого рода взгляды. От признания индивида субъектом международного права всего один шаг до еще более далеко идущего предположения, согласно которому международное право способно регулировать внутриобщественные отношения, включая отношения между индивидом и государством. И такое предположение действительно было высказано – В.С. Верещетин и Р.А. Мюллерсон в своей совместной статье «Примат международного права в мировой политике» писали: «Договоры о правах человека содержат обязательства государств не только перед другими государствами-участниками, но и перед своими гражданами»²¹.

В советской и постсоветской науке международного права прослеживаются две основные точки зрения относительно международной правосубъектности физических лиц. Суть первой – традиционной – точки зрения сводится к тому, что индивиды объективно не могут быть участниками межгосударственных отношений и соответственно субъектами международного права. В уже ставшем классическим учебнике международного права содержится точка зрения, согласно кото-

¹⁹ Шуршалов В.М. *Международные правоотношения* М., 1971. С. 77-78.

²⁰ Кравченко В.В. Советские организации как субъекты международных отношений // *Советское государство и право.* 1973. № 5. С. 86.

²¹ Верещетин В.С. Мюллерсон Р.А. Примат международного права в мировой политике // *Советское государство и право.* № 7. 1989. С. 10.

рой прямой доступ индивидов в международные судебные и несудебные органы, имеющий место в наше время, не превращает их в субъектов международного права. Он означает лишь то, что участники соответствующего договора берут на себя взаимное обязательство обеспечить этот доступ имеющимися в их распоряжении правовыми и организационными средствами²².

Серьезных последователей имеет и мнение, согласно которому в международном праве нет запретов наделять индивидов международной правосубъектностью, и решение этого вопроса определяется намерением договаривающихся государств. К советским юристам, которые в предположительной форме допускали, что физические лица в отдельных случаях могут быть субъектами международного права, относилась Н.В. Захарова. Исходя из общего определения субъекта права и придерживаясь, видимо, точки зрения, согласно которой критерием правосубъектности является *непосредственное* регулирование поведения участника правоотношений нормами той или иной отрасли (системы) права, она различает две категории субъектов международного права: носителей прав и обязанностей и одновременно творцов норм международного права (т.е. государства и межправительственные организации) и только носителей прав и обязанностей, обладающих «специальной» правосубъектностью. Указывая, что вопрос о международной правосубъектности индивида может стоять только в плане наличия у него этой «специальной» правосубъектности, Н.В. Захарова подчеркивает, что индивид только в том случае может быть признан «специальным» субъектом международного права, если оно (международное право) непосредственно предоставит ему права и (или) возложит обязанности. Она приходит к выводу, что имеются специфические нормы международного права, которые обращены к индивидам и возлагают на них определенные обязанности (например, статья 3, общая для Женевских конвенций 1949 г. о защите жертв войны), не нанося ущерба государственному суверенитету. Хотя Н.В. Захарова прямо не говорит о том, что в этих случаях физические лица обладают специальной международной правосубъектностью, такой вывод вытекает из ее предыдущих рассуждений²³.

²² *Международное право* / Под ред. Ю.М. Колосова и В.И. Кузнецова. 2-е изд. М., 1998. С. 63-64.

²³ Захарова Н.В. *Под видом обеспечения прав человека*. М., 1971. С. 74-76, 81, 83-84. См. также ее статью «Индивид – субъект международного права» // *Советское государство и право*. 1989. № 11. С. 112-118.

Зарубежная международно-правовая доктрина о международной правосубъектности индивидов. В отличие от советских теоретиков международного права, зарубежные юристы отнеслись к теории международной правосубъектности индивидов благосклоннее. Конечно, и среди них имелись ее противники – Д. Анцилотти, Дж. Шварценбергер, Р. Редслоб, – но и их критика не пошла дальше формально-юридических моментов. Анализируя точки зрения зарубежных юристов-международников, следует иметь в виду два момента: 1) несмотря ни на что, широкое распространение данной теории на Западе; 2) резкое усложнение форм международного сотрудничества за последние десятилетия²⁴.

Западных юристов, отстаивающих в той или иной степени идею международной правосубъектности физических лиц, можно подразделить на две группы:

– сторонники исключительной международной правосубъектности индивидов, считающие их единственными субъектами права вообще и международного права в частности (Л. Дюги, Г. Краббе, Ж. Ссель);

– сторонники ограниченной международной правосубъектности индивидов, считающие, что физические лица являются субъектами международного права наряду с государствами и международными организациями (Э.Х. де Аречага, Г. Лаутерпахт и др.). Иногда эту теорию называют теорией *множественности* субъектов международного права²⁵.

Обе точки зрения, на наш взгляд, достаточно точно комментирует Г. Лаутерпахт: «Необходимо иметь в виду, что хотя субъектами международного права являются прежде всего государства, важно иметь в виду ограничения этого принципа. Правильное его значение заключается в том, что только одни государства создают международное право; что международное право прежде всего касается прав и обязанностей государств, а не прав и обязанностей других лиц, и что только одни государства обладают полной процессуальной правоспособностью перед международными судами. Дальше этого принцип не идет. В частности, когда мы говорим, что международное право регулирует поведение государств, мы не должны забывать, что на самом деле подлежит регулированию поведение *людей* (курсив мой. – С.С.), действующих в качестве органов государства. «Права и обязанности государств, – сказал Уэстлейк, – суть только права и обязанности людей, из которых состоят эти государства». Если согласиться с этой точкой зрения,

²⁴ Черниченко С.В. *Личность и международное право.* М., 1974. С. 16.

²⁵ Там же.

то тогда необходимо признать, что ошибочно теоретически и нежелательно практически отрывать международное право от общих принципов права и нравственности, на которых зиждется большая часть правовых систем отдельных государств, регулирующих поведение людей. При этом, хотя нормальными субъектами международного права являются государства, они могут рассматривать физических и иных лиц как непосредственно наделенных международными правами и обязанностями и *в этих пределах* (курсив мой. – С.С.) делать их субъектами международного права»²⁶.

Отсюда следует, что, по мнению ряда зарубежных авторов, международная правосубъектность индивидов не только возможна, но и реальна. Ниже мы рассмотрим договорный механизм ее генерации.

К вопросу о кодификации в международном праве. Термин «кодификация» имеет по меньшей мере два различных значения: 1) процесс преобразования обычного права и норм, вытекающих из судебных решений, в законы или конвенции, с незначительным изменением или без всякого изменения права; 2) процесс обеспечения, путем общих конвенций, возможности соглашений между государствами по определенным вопросам международного права, причем эти конвенции базируются на существующем – обычном и конвенционном – международном праве, но измененном таким образом, чтобы примирить противоречивые точки зрения и сделать соглашение возможным²⁷.

В свое время уже признавалось, что международный договор может создавать права и обязанности непосредственно для индивидов. В 1928 г. Постоянная палата международного правосудия допустила такую возможность: «[...] нельзя отрицать, что в намерения сторон может входить заключение именно такого договора, постановления которого будут создавать права и обязанности для индивидов и смогут принудительно осуществляться национальными судами». Это суждение предполагает, что индивид может пользоваться правом, вытекающим непосредственно из международного договора, хотя указанное право предоставляется ему опосредованно, через действия государства. Реальным доказательством международной правосубъектности индивида явилось позднее предоставление ему не только определенных прав и привилегий, но и средств для обеспечения их принудительного осуществления и соблюдения, а также возможностей защи-

²⁶ Оппенгейм Л. *Международное право*. М., 1948; перевод 6-го английского издания, дополненного Г. Лаутерпахтом, т. 1, п/т 1. С. 41-42.

²⁷ Там же. С. 48.

ты этих прав от своего собственного имени, без посредничества государства. Государства совершенно свободно могут, если они изъявят соответствующее намерение, установить такой порядок посредством заключения соответствующего договора, и примеры подобных соглашений существуют. Наиболее важные из них – Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г.,²⁸ Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.²⁹, Американская конвенция о правах человека 1969 г.³⁰, которые предоставляют индивидам право обращаться в международные судебные и экспертные органы с жалобой даже на свое собственное государство. В начале двадцать первого века известны случаи обращения индивидов (правда, пока безуспешного) в суды иностранных государств с исками о компенсации ущерба, якобы причиненного международно-противоправными действиями данных государств³¹.

Подводя итог, можно утверждать, что на современном этапе существование международной правосубъектности индивидов практически бесспорно, однако данная правосубъектность специфична, так как она обладает по меньшей мере тремя существенными характеристиками: волевая обусловленность (определяется явно *выраженной волей* государств предоставить физическим лицам конкретные международные права и обязанности), конститутивность³² (специальная международная правосубъектность *«даруется»* индивидам договаривающимися государствами) и кодифицированность (объем международной право- и дееспособности физических лиц устанавливается *международным договором*).

²⁸ Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, см. текст в сборнике: M. Evans (ed.), *Blackstone's International Law Documents*, 4th edition (Blackstone Press Limited, 1999), pp. 43-53.

²⁹ International Covenant on Civil and Political Rights, см. текст в указ. Сборнике. С. 109-122.

³⁰ American Convention on Human Rights, signed at San Jose on 22 November 1969. См. текст в указ. сборнике. С. 156-173.

³¹ См.: "The *Varvarin* Case: Excerpts of the Judgment of the Civil Court of Bonn of 10 December 2003, Case No. 1 O-361/02", in 2 *Journal of Military Ethics*, vol. 3 (2004), pp. 178-180. См. также комментарии к этому судебному решению: Quéniwet N., "The *Varvarin* Case: The Legal Standing of Individuals as Subjects of International Humanitarian Law", *idem*, pp. 181-187; Sayapin S., "The *Varvarin* Case: Compensation Impossible?", *idem*, pp. 188-193.

³² Проф. Г. Лаутерпахт писал по этому поводу: «Международное право, как оно воплощено в Уставе ООН и других международных договорах, признает основные права индивидов независимо от внутреннего права государства и таким образом конституирует индивида как субъекта международного права». См.: H. Lauterpacht, *International Law and Human Rights* (London, 1950), p. 4.